

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

© Центр содействия международной защите, www.ip-centre.ru. Разрешение опубликовать этот перевод дано исключительно с целью его включения в базу данных Суда HUDOC.

© Centre of Assistance to International Protection, www.ip-centre.ru. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

СОВЕТ ЕВРОПЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ИСМАЙЛОВ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 30352/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

6 ноября 2008 года

Настоящее постановление вступит в силу при условиях, оговоренных в § 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке

В деле Исмаилова против России, Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Христос Розакис, Председатель,
Нина Ваджич,
Анатолий Ковлер,
Дин Шпильман,
Сверр Эрик Джебенс,
Джорджио Малинверни,
Джордж Никалау, судьи,
и Сорен Нильсен, регистратор секции,

посоветовавшись при закрытых дверях 16 октября 2008 года, вынес следующее постановление, принятое в указанный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№30352/03) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Азербайджана г-ном Адиль Юнус оглы Исмаиловым («заявитель») 2 сентября 2003 года.

2. Заявителя, который был освобожден от оплаты юридической помощи, в Суде представляли г-н М.Рачковский и г-жа О.Преображенская из московской неправительственной организации Центр содействия международной защите, Правительство России («правительство») представлял г-н П.Лаптев, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. 20 января 2006 года Суд принял решение коммуницировать жалобу правительству. На основании статьи 29 § 3 Конвенции он принял решение рассмотреть жалобу на приемлемость одновременно с рассмотрением по существу.

4. Правительство Азербайджана не воспользовалось своим правом принимать участие в слушаниях (Статья 36 § 1 Конвенции).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1937 году и живет в Москве.

6. 17 ноября 2002 заявитель прибыл в Москву из Баку. У него с собой было 21 348 долларов США – денежные средства, полученные от продажи полученного по наследству жилья в Баку. Однако в таможенной декларации он задекларировал только 48 долл., тогда как российский закон требует, чтобы денежные средства, превышающие сумму 10 000 долл. декларировались на таможне. Таможенный инспектор нашел остальную денежную сумму в его багаже. Заявитель был привлечен к уголовной ответственности за контрабанду в соответствии со статьей 188 § 1 УК РФ, а деньги были изъяты как вещественное доказательство.

7. 8 мая 2003 года Головинский районный суд Москвы признал заявителя виновным и приговорил к шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком в шесть месяцев. Что касается денег, то он постановил:

“вещественное доказательство – 2 348 долларов США, находящиеся в Центральной расчетной кассе таможни Шереметьево, – конфисковать в пользу государства”.

8. В своей кассационной жалобе заявитель просил признать себя невиновным и утверждал, что согласно требованиям действующего внутреннего законодательства оснований для конфискации денег в пользу государства нет, так как статья 188 УК

РФ не предусматривает конфискацию имущества в совокупности с наказанием в виде условного лишения свободы.

9. 29 мая 2003 года Московский городской суд оставил приговор суда первой инстанции без изменения. Что касается денег, то он отметил, что суд не применял конфискацию в качестве наказания, а разрешил судьбу вещественного доказательства.

10. Заявитель направлял жалобы в различные органы власти России. Он указывал в них, в частности, что живет ниже черты бедности и что по этой причине он продал квартиру в Баку, которую унаследовал от своей матери. Он прикладывал к своим жалобам копии завещания и копии договора купли-продажи квартиры. Он просил возвратить ему законно полученные деньги.

11. 8 сентября 2003 Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации направил письмо в интересах заявителя прокурору г. Москвы, в котором просил его, чтобы он подал представление о возбуждении надзорного производства об отмене судебного решения в части конфискации денежных средств и передачи их в пользу государства. 18 сентября 2003 заместитель прокурора г.Москвы ответил Уполномоченному по правам человека, что нет оснований подавать представление, так как судебное решение законно на основании пункта 7 решения Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 года.

12. 22 октября 2003 Уполномоченный по правам человека обратился к Генеральному Прокурору с просьбой внести представление о возбуждении надзорного производства. Он обратил внимание в первую очередь на то, что в материалах дела вопреки требованиям Уголовно-процессуального кодекса нет никаких документов, определяющих процессуальную категорию вещественных доказательств, то есть тех денег, что принадлежали заявителю. Эта недоработка следственного органа повлекла за собой незаконное судебное решение о конфискации денег заявителя. Деньги заявителя не были инструментом совершения преступления – в уголовных делах, связанных с контрабандой, только потайное место может считаться инструментом преступления и только в том случае, если деньги приобретены преступным способом. Соответственно, ни пункт 3 (1), ни пункт 3 (4) статьи 81 Уголовно-процессуального кодекса не были применимы в ситуации с заявителем, и поэтому деньги должны быть возвращены законному владельцу в соответствии с пунктом 3 (6) этой же статьи. Иначе судебное решение о конфискации денег *de facto* составляет второе наказание за то же самое преступление. Наконец, Уполномоченный по правам человека оспорил применимость решения Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 года. Он указал, что параграф 7 четко предусматривает применение “действующего законодательства”. Поскольку новый Уголовный кодекс не предусматривает конфискацию в делах о контрабанде, то параграф 7 не может быть применен.

13. 9 декабря 2003 заместитель Генерального Прокурора ответил Уполномоченному по правам человека, что Президиум Верховного Суда определил, что объект контрабанды нужно рассматривать как орудие преступления, и он должен подлежать конфискации (так же как в судебном решении по делу Петренко, на которое есть ссылка в пункте 23 ниже).

14. Уполномоченный по правам человека подал жалобу в Конституционный Суд в интересах заявителя и еще одного человека.

15. 8 июля 2004 Конституционный Суд объявил жалобу неприемлемой (определение № 251-О). Он признал, что юридическая возможность конфискации объектов, признанных как вещественное доказательство, орудия и доходы от преступлений в уголовном деле совместима с международными обязательствами Российской Федерации, принятыми согласно конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и Конвенции Совета Европы об отмывании поиске, выявлении и конфискации доходов от преступной деятельности. Следовательно, статья 81 Уголовно-процессуального кодекса не допускает

произвольное вмешательство в право собственности и сама по себе не нарушает конституционные права обратившихся.

Конституционный Суд отметил в своем решении:

“Определение статуса объектов незаконно перевезенных через таможенную границу Российской Федерации в соответствующем уголовном процессе и судебном решении в части определения вещественных доказательств, подлежащих конфискации..., должно быть выполнено судом общей юрисдикции, рассматривающим это уголовное дело... Законность судебного решения в части конфискации вещественного доказательства в пользу государства должна быть рассмотрена судами вышестоящих инстанций в порядке действующего УПК РФ. В компетенцию Конституционного Суда не входит обязанность рассматривать дела такой категории...”

16. 24 марта 2005 Конституционный Суд отказал Уполномоченному по правам человека в дальнейших разъяснениях своего решения от 8 июля 2004 года.

II. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

17. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, которая принята для борьбы с транснациональными преступлениями и также преступлениями с участием в организованной преступной группе, отмыванием доходов от преступления, коррупции, и препятствованием отправлению правосудия, ратифицированная Россией 26 мая 2004, предусматривает следующее:

Статья 7 . Меры по борьбе с отмыванием денежных средств

«2. Государства–участники рассматривают вопрос о применении практически возможных мер по выявлению перемещения наличных денежных средств и соответствующих оборотных инструментов через их границы и по контролю за таким перемещением при условии соблюдения гарантий, направленных на обеспечение надлежащего использования информации, и не создавая каких-либо препятствий перемещению законного капитала. Такие меры могут включать требование о том, чтобы физические лица и коммерческие организации сообщали о трансграничных переводах значительных объемов наличных денежных средств и передачах соответствующих оборотных инструментов.»

Статья 12. Конфискация и арест

«1. Государства–участники принимают в максимальной степени, возможной в рамках их внутренних правовых систем, такие меры, какие могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации:

- а) доходов от преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов;
- б) имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией».

1. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает, что контрабанда, то есть перемещение в крупном размере через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов, совершенное с сокрытием от таможенного контроля либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет (статья 188 § 1).

19. Закон Об иностранной валюте (ФЗ № 3615-I от 9 октября 1992, действовавший в то время) предусматривал, что как российские граждане, так и неграждане имели право переводить, ввозить, и посылать иностранную валюту в Россию без каких-

либо ограничений при условии, что выполнения таможенных правил (статьи 6 § 3 и 8 § 1).

20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает:

Статья 81. Вещественные доказательства

«1. Вещественными доказательствами признаются любые предметы:

- 1) которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления;
- 2) на которые были направлены преступные действия;
- 3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

...

3. При вынесении приговора... должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах. При этом:

- 1) орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются;
- 2) предметы, запрещенные к обращению, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются;
- 3) предметы, не представляющие ценности и не истребованные стороной, подлежат уничтожению...;
- 4) деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, подлежат возвращению государству на основании судебного решения;
- 5) документы остаются при уголовном деле...;
- 6) остальные предметы передаются законным владельцам, а при неустановлении последних переходят в собственность государства...».

Подобные требования ранее содержались в статье 86 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (указанной в деле *Бакланов против России*, № 68443/01, § 20, 9 июня 2005).

21. В постановлении пленума Верховного Суда СССР “О судебной практике по делам о контрабанде» (№ 2 от 3 февраля 1978) указывается:

«7. В соответствии с действующим законодательством предметы контрабанды как вещественные доказательства подлежат конфискации в доход государства. Также подлежат конфискации перевозочные и другие средства как орудия преступления, если они были оборудованы специальными хранилищами для сокрытия товаров или иных ценностей при перемещении их через государственную границу СССР».

22. В постановление пленума Верховного Суда СССР “О конфискации орудий преступления, признанных вещественными доказательствами по делу» (№ 19 от 16 августа 1984) указывается:

«В связи с возникшим в судебной практике вопросом о возможности применения п. 1 ст. 86 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик при совершении неосторожных преступлений Пленум Верховного Суда СССР постановляет:

Разъяснить, что принадлежащие осужденному предметы, признанные вещественными доказательствами, могут быть конфискованы на основании п. 1 ст. 86 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик лишь в случае умышленного использования их самим осужденным либо его соучастниками в качестве орудий преступления для достижения преступного результата».

23. Президиум Верховного Суда Российской Федерации в деле *Генеральный прокурор против Петренко* (постановление № 446р 98пр от 10 июня 1998 года) удовлетворил протест прокурора на приговор, которым Петренко был признан виновным по делу о контрабанде валюты, но деньги были возвращены ему на том основании, что статья 188 УК не предусматривала конфискацию в качестве наказания. Президиум постановил следующее:

«По смыслу названного закона, а также ст. 83 УПК РСФСР, орудия преступления - это все предметы, которые использовались преступником для достижения общественно опасной цели, независимо от основного назначения предмета.

Таким образом, понятие орудия преступления включает в себя предмет преступления.

Согласно диспозиции ст. 188 УК РФ, обязательным признаком данного состава преступления является предмет контрабанды, который незаконно перемещается через таможенную границу, в связи с чем совершенное деяние является уголовно наказуемым.

Суд признал Петренко виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 30 и ч. 1 ст. 188 УК РФ, указав, что доллары США являлись предметом преступления, поэтому должен был решить вопрос о судьбе вещественного доказательства в соответствии с п. 1 ст. 86 УПК РСФСР, т.е. применительно к орудиям преступления, однако этого не сделал».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 КОНВЕНЦИИ

24. В соответствии со статьей 1 Протокола 1 к Конвенции заявитель жаловался на то, что власти незаконно конфисковали деньги, которые он получил от продажи унаследованной квартиры. Статья 1 Протокола 1 к Конвенции предусматривает:

“Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов”.

A. Приемлемость

25. Суд отмечает, что эта жалоба не является очевидно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Он также считает, что она не является неприемлемой и по любым другим основаниям. Поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

B. Существо

1. Аргументы сторон

26. Заявитель утверждал, что судебное решение о конфискации было незаконно, потому что, с одной стороны, статья 188 Уголовного кодекса не предусматривает конфискацию как уголовное наказание за контрабанду и, с другой стороны, статья 81 Уголовно-процессуального кодекса предписывает конфисковывать только преступно приобретенные деньги, тогда как деньги, отобранные у него, были законными доходами от продажи квартиры его покойной матери в Баку. Заявитель также указал, что он не был ранее судим, не подозревался в преступной деятельности, и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности не была применима в его случае. Он, наконец, утверждал, что мера по конфискации была несоразмерна для него, особенно принимая во внимание, что он был уже приговорен к условному сроку лишения свободы.

27. Правительство утверждало, что деньги, перемещенные заявителем, были инструментом преступления и соответственно являлись вещественным доказательством. Деньги были конфискованы в соответствии со статьей 81 § 3 (1) Уголовно-процессуального кодекса и с учетом прецедента в деле Петренко. Это судебное решение было совместимо с принципами международного права и, в

частности со статьей 12 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, которая предусматривает “возможность конфисковывать доходы и плоды преступления, оборудование и другие средства, используемые или предназначенные для совершения преступления”. Таким образом, конфискация денег имела законное основание и была предсказуема для заявителя.

2. Оценка Суда

(а) Применимое право

28. Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции включает три отличных правила: первое правило, изложенное в первом предложении первого параграфа, имеет общий характер и излагает принцип беспрепятственного пользования своим имуществом; второе правило, содержащееся во втором предложении первого параграфа, касается лишения собственности и определяет условия этого; третье правило, изложенное во втором параграфе, предусматривает, что Договаривающиеся Стороны обязаны, *inter alia*, контролировать использование собственности в соответствии с общими интересами. Три правила тесно взаимосвязаны. Второе и третье правило применяются в специфических случаях вмешательства в право беспрепятственного пользования своим имуществом и поэтому должны быть рассмотрены в свете общего принципа, изложенного в первом правиле (см. *Broniowski против Польши*, № 31443/96, § 134, 2004--V ECHR).

29. "Собственность" – в данном случае, сумма денег (доллары США) - была конфискована у заявителя по решению суда. Стороны признали, что решение о конфискации денег представляет собой вмешательство в право заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом и поэтому Статья 1 Протокола 1 к Конвенции применима. Остается определить, была ли эта мера оправдана в соответствии с первым или вторым параграфом этой нормы Конвенции.

30. Суд напоминает о своем постоянном подходе, заключающемся в том, что конфискация, даже в случае, если она является лишением имущества, представляет собой, тем не менее, контроль за собственностью в смысле второго параграфа статьи 1 Протокола 1 к Конвенции (см. *Riela и Другие против Италии* (решение), № 52439/99, 4 сентября 2001 года; *Arcuri и другие против Италии* (решение), № 52024/99, 5 июля 2001 года; *С.М. против Франции* (решение), № 28078/95, 26 июня 2001 года; *Эйр-Канада против Соединенного Королевства*, постановление от 5 мая 1995 года, № 316--А, § 34; и *AGOSI против Соединенного Королевства*, постановление от 24 октября 1986 года, Series A no. 108, § 34). Соответственно тот же самый подход должен применяться и в данном случае.

(b) Соответствие Статье 1 Протокола № 1 к Конвенции

31. Суд подчеркивает, что первое и самое важное требование статьи 1 Протокола 1 к Конвенции заключается в том, что любое вмешательство властей в беспрепятственное пользование собственностью должно быть законным: второе предложение параграфа. 1 предусматривает, что лишение имущества возможно только "на условиях, предусмотренных законом", а пункт 2 признает, что государства имеют право осуществлять контроль за использованием собственности путем выполнения "законов". Более того, верховенство права, один из основополагающих принципов демократического общества, присущ всем статьям Конвенции. Следовательно, вопрос о том, был ли соблюден справедливый баланс между требованием общественного интереса и требованиями защиты основных прав отдельного лица, появляется только тогда, когда установлено, что обжалуемое вмешательство соответствовало требованию законности и не было произвольным

(см. *Бакланов против России*, № 68443/01, § 39, 9 июня 2005 года, и *Frizen против России*, № 58254/00, § 33, 24 марта 2005 года).

32. Деньги, которые обнаруженные у заявителя, были признаны вещественным доказательством в уголовном деле в соответствии с параграфом 1 статьи 81 Уголовно-процессуального кодекса. В соответствии с параграфом 3 этой статьи, после провозглашения приговора, суд первой инстанции был обязан разрешить судьбу вещественного доказательства. Суд же решил, что деньги были предметом преступления, подлежащим конфискации согласно требованию пункта 1 § 3 статьи 81 Уголовно-процессуального кодекса. Вопреки доводу заявителя о том, что статья 81 разрешает конфискацию только преступно приобретенного имущества, эта статья не содержит определения законного или незаконного происхождения орудий преступления. Относительно того, нужно ли было считать не декларированные деньги предметом или объектом контрабанды, Суд отмечает, что, принимая в расчет Постановление Президиума Верховного Суда по делу *Петренко* (см. пункт 23 выше), интерпретация понятия “предмет преступления” как составной части объекта преступления была четко прописана в российском законе. Соответственно Суд считает, что эта мера имеет основу в национальном законодательстве, которая была достаточно предсказуема в своем применении.

33. Что касается общественного интереса, в соответствии с которым государство вмешалось в право собственности, то Суд отмечает, что у государств есть не только законный интерес, но также и обязанность на основании различных международных соглашений, таких как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, предпринимать меры по обнаружению и контролю движения наличных денег через границу, так как большое количество наличных денег может использоваться для отмывания денежных средств, незаконного оборота наркотиков, финансирования терроризма или организованной преступности, уклонения от налогов или подготовки других серьезных финансовых преступлений. Общее назначение декларирования, применяемое к любому человеку, пересекающему государственную границу, это пресечение возможности того, чтобы наличные деньги не были ввезены и вывезены из страны незарегистрированными, и мера по их конфискации при не декларировании их таможенными властями – часть той же общей регулирующей схемы, разработанной для борьбы с транснациональной организованной преступностью. Суд поэтому полагает, что конфискация соответствовала общественному интересу.

34. Суд далее оценит, был ли соблюден справедливый баланс между мерами, предпринятыми властями для обеспечения общественного интереса, и защитой права заявителя на беспрепятственное пользование собственностью, другими словами, было ли наложено на заявителя персональное чрезмерное бремя или нет.

35. Уголовное преступление, в результате совершения которого заявитель был признан виновным, выразилось не декларировании на таможне 21300 долларов США. Важно отметить, что ввоз наличной иностранной валюты в Россию не был запрещен по закону. Мало того, что ввоз инвалюты был законен, но также не было в принципе ограничения на ввоз или, как в данном случае, физическое перемещение через таможенную границу России, по сумме (см. выше пункт 19). Эта особенность отличает рассматриваемое дело от случаев, в которых конфисковывались товары, импорт которых был запрещен (см. дело *AGOSI*, процитированное выше, относительно запрета на импорт золотых монет; *Bosphorus Hava Yollar ı Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi против Ирландии*, № 45036/98, 2005--VI ECHR, относительно режима санкций для югославского самолета), или транспортные средства, используемые для перевозки запрещенных веществ или торговли людьми (см. дело *Эйр-Канада*, процитированное выше; *С.М. против Франции*, решение), и *Yildirim v. Италия* (решение), № 38602/02, 2003-IV ECHR).

36. Кроме того, законное происхождение конфискованных денег не оспаривалось. У заявителя были документальные доказательства, такие как завещание и договор

купли-продажи, подтверждающие, что он получил деньги в результате продажи квартиры в Баку, которую он унаследовал от своей матери. На этом основании Суд находит данный случай отличным от случаев, в которых конфискованное имущество было доходом от уголовного преступления (см. *Phillips против Соединенного Королевства*, № 41087/98, §§ 9-18, 2001-VII ECHR), было незаконно приобретено (см. дело *Riela и Arcuri*, процитированное выше, и *Raimondo против Италии*, постановление от 22 февраля 1994 года, № 281-A, § 29), или было предназначено для использования в противоправных действиях (см. *Butler против Соединенного Королевства* (решение), № 41661/98, 27 июня 2002 года).

37. Далее Суд отмечает, что до этого случая у заявителя не было судимости, он не подозревался и не обвинялся в каком-либо преступлении. Ничто не предполагает, что, налагая на заявителя меру в виде конфискации денег, власти стремились предупредить другие незаконные действия, такие как отмывание денег, незаконный оборот наркотиков, финансирование терроризма, или уклонения от налогов. Деньги, которые он привез, были законно получены, и могли быть законно ввезены в Россию при условии их декларирования на таможне. Из этого следует, что единственным его преступлением было не заявление об этом на таможне.

38. Суд считает, что для того, чтобы считаться пропорциональным, вмешательство должно соответствовать тяжести нарушения, т.е. невыполнению правил декларирования, а не тяжести предполагаемого нарушения, которое, однако, не было в действительности установлено, например отмыванию денег или уклонению от налогов. Конфискованная сумма была, несомненно, существенной для заявителя, поскольку представляла всю выручку от продажи жилья его покойной матери в Баку. С другой стороны, вред, который заявитель мог бы нанести государству, был несущественным: он не избежал уплаты таможенной пошлины или любых других сборов, не нанес никакого материального вреда государству. Если бы деньги были не обнаружены, то российские власти были бы лишены информации о том, что они ввезены в Россию. Таким образом, конфискация не рассматривалась как денежная компенсация материального вреда, поскольку государство не понесло убытка в результате того, что заявитель не продеklarировал деньги, а была пресекающей и карательной по своей цели (ср. *Bendenoun против Франции*, постановление от 24 февраля 1994 года, Series A no. 284, § 47). Однако в данном случае заявитель был наказан за контрабанду условным сроком заключения с испытательным сроком. Правительство убедительно не показало и не оспаривало, что только это наказание не было достаточным для достижения желаемого пресекающего и воспитательного эффекта и предотвращения нарушений правил декларирования. При таких обстоятельствах применение конфискации как меры дополнительного наказания было, по оценке Суда, диспропорциональным в том, что накладывало на заявителя «персональное и чрезмерное бремя».

39. Поэтому имело место нарушение статьи 1 Протокола 1 к Конвенции.

II. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

То,

40. На основании статьи 6 §§ 1 и 3 Конвенции заявитель также жаловался на то, что было нарушено его право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок и право на допрос свидетелей защиты. Ссылаясь на статью 8 § 2 Конвенции, он утверждал, что его проступок не нанес вреда каким-либо общественным или государственным интересам. Суд полагает, что эти жалобы не подтверждены достаточными доказательствами и отклоняет их как явно необоснованные.

41. Наконец, на основании статьи 4 § 1 Протокола 7 заявитель жаловался на то, что конфискация денег составляла второе наказание за преступление, за которое он был уже наказан к лишению свободы. Поскольку оба наказания были наложены при одном судебном разбирательстве, то статья 4 § 1 Протокола 7 не может быть применена. Из этого следует, что эта жалоба несовместима *ratione materiae* с

положениями Конвенции по смыслу статьи 35 § 3 и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 § 4.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

42. Статья 41 Конвенции предусматривает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Материальный ущерб и моральный вред

43. Заявитель требовал 679 346,73 российских рублей в качестве возмещения материального ущерба, составляющих конфискованную сумму по курсу на день конфискации. Он также требовал 120 000 евро в качестве компенсации морального вреда, что составляло текущую стоимость однокомнатной квартиры в Москве, равную той, которую он намеревался купить на конфискованные средства.

44. Правительство утверждало, что эти требования явно чрезмерные.

45. Суд считает, что эти деньги были конфискованы у него в нарушение статьи 1 Протокола 1 к Конвенции. Поэтому Суд удовлетворяет требование заявителя о компенсации материального вреда и присуждает ему 20 000 евро. Суд полагает, однако, что требования о возмещении морального вреда являются чрезмерными. Основываясь на справедливой оценке, Суд присуждает заявителю 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс сумму всех налогов, которыми эта сумма может облагаться.

B. Издержки и расходы

46. Заявитель не просил возместить издержки и расходы. Соответственно, нет оснований для присуждения возмещения в этом отношении.

47. Суд находит обоснованным, что неустойка должна основываться на предельной учетной ставке Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

ОСНОВЫВАЯСЬ НА ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМ, СУД

1. *Объявил* единогласно жалобу заявителя на вмешательство в его право на беспрепятственное пользование собственностью приемлемой, остальные жалобы неприемлемыми;
2. *Постановил* шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 1 Протокола 1 к Конвенции;
3. *Постановил* шестью голосами против одного:
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня, когда в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции постановление станет окончательным, 25 000 (двадцать пять тысяч) евро в переводе в рубли по курсу на дату выплаты, плюс сумму всех налогов, которыми эта сумма может облагаться;
 - (b) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до выплаты взимается простой процент на вышеуказанную сумму по ставке, равной предельной учетной ставке Европейского центрального банка в период просрочки платежа, плюс три процентных пункта;

4. *Отклонил* единогласно остальную часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и предано гласности в письменном виде 6 ноября 2008 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Регистратор

Христос Розакис
Председатель

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА

К моему сожалению, я не могу согласиться с выводами Палаты по данной жалобе. Я не согласился с выводами большинства в подобном деле *Бакланов против Россия*, № 68443/01, постановление от 9 июня 2005 (вступило в силу 30 ноября 2005), в котором Суд сделал вывод, что “вмешательство в собственность заявителя нельзя считать законным по смыслу статьи 1 Протокола 1 к Конвенции” (§ 46 постановления по делу Бакланова). В данном деле Суд сделал другой вывод: “...Суд считает, что эта мера имеет основу в национальном законодательстве, которая была достаточно предсказуема в своем применении” (§ 32). Но для большинства “применение конфискации как меры дополнительного наказания было, по оценке Суда, диспропорциональным...” (§ 38). Нотабене: законная, но диспропорциональная...

Что касается законности вмешательства, то я отсылаю к статье 188 ("Контрабанда") Уголовного кодекса Российской Федерации и Закону Об иностранной валюте (воспроизведен в §§ 18-19 этого постановления). Эти положения ясно определяют, в каком случае ввоз наличной иностранной валюты незаконен по законодательству России. Постановление (§ 20) также воспроизводит статью 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая предусматривает, что любой предмет, использовавшийся для совершения преступления, может быть признан вещественным доказательством и что орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, передаче компетентным организациям или уничтожаются (статья 81 § 3 (1)).

Как указано в § 15 настоящего постановления, Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 8 июля 2004 года пришел к выводу, что решение об определении процессуального статуса объектов, незаконно перемещенных через таможенную границу Российской Федерации, при уголовном разбирательстве и решение о том, являются ли они вещественными доказательствами, подлежащими конфискации, должны быть приняты судом общей юрисдикции, рассматривающим это уголовное дело. Кроме того, он не установил иного внесудебного пути конфискации денег в деле г-на Исмаилова.

Во многих случаях Суд отмечал, что его полномочия рассматривать соответствие национальному законодательству ограничены, что в первую очередь национальные власти, а именно суды, должны интерпретировать и применять закон (см. *Chappell против Соединенного Королевства*, постановление от 30 марта 1989года, Series A no. 152-A, с. 23; *Traktorer Aktiebolag против Швеции*, постановление от 7 июля 1989года, Series A no. 159, с. 23).

Головинский районный суд Москвы признал заявителя виновным по статье 188 § 1 Уголовного кодекса, и постановил передать незаконно перемещенные деньги в собственность государства, строго следуя национальному закону.

Что касается диспропорциональности, то статья 188 §1 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает наказание в виде лишения свободы до пяти лет. Таким образом, два года условного лишения свободы в действительности не диспропорциональное наказание даже в сочетании с конфискацией вещественного доказательства. Я не согласен с интерпретацией дела AGOSI, данной в § 35 настоящего постановления. В упомянутом деле Суд указал в общих чертах, как и Комиссия в прошлом, что “согласно общим принципам закона, признаваемым всеми государствами-участниками, контрабандные товары, как правило, могут быть объектом конфискации” (*AGOSI против Соединенного Королевства*, постановление от 24 октября 1986 года, Series A no. 108, § 53). Другими словами, пределы усмотрения государства признаны Судом в этом деликатном деле, и это не противоречит статье 1 § 2 Протокола 1 к Конвенции.

В моем несовпадающем мнении по делу *Бакланова* я также привлек внимание к международным аспектам дела, в первую очередь к конвенциям ООН и Совета Европы по отмыванию денег, в которых термин "конфискация" означает не только наказание (или “дополнительное наказание” – термин, использованный Судом в § 38), но также и “мера, назначенная судом в результате разбирательства уголовного преступления или уголовных преступлений и приводящая к окончательному лишению собственности” (статья 1 Конвенции Совета Европы от 8 ноября 1990), своего рода профилактическая и "педагогическая" мера.

Хотя и последнее, но не менее важное – я действительно потрясен, что кому-то может быть присуждено 25 000 евро за незаконное перемещение денег через таможенную границу, предумышленное декларирование только 48 долларов США в таможенной декларации, когда в действительности имел 21 348 долларов США... Кстати, в деле *Бакланова* заявитель, по причинам, которые могут быть без труда поняты, не включил в требования на основании статьи 41 конфискованную сумму.